

УДК 94(47).084.5/6

КРИТЕРИИ ВЫВЕДЕНИЯ ПОНЯТИЯ «КУЛАК» МЕСТНОЙ ВЛАСТЬЮ В КОНЦЕ 1920-х гг. (ПО МАТЕРИАЛАМ ЦЕНТРАЛЬНОГО ЧЕРНОЗЕМЬЯ)

И. В. ГОНЧАРОВА*Орловский
государственный
университет**e-mail: snotra@orel.ru*

В статье излагается специфика социального ранжирования черноземной деревни в конце 1920-х гг., демонстрируются различные варианты критериев выделения «кулака» представителями местной власти. Раскрывается субъективизм, размытость и относительность распространенных признаков, приводятся примеры произвольных определений местных функционеров. Автор анализирует ошибочность использования показателей аренды и наемного труда в качестве производственных критериев расслоения, выводит политический подтекст выявления зажиточного крестьянства. Прослеживается, как эволюционировало определение кулацких хозяйств от социально-экономических к социально-политическим признакам под воздействием политической конъюнктуры. На примере полемики в журнале «Хозяйство ЦЧО» раскрываются способы статистических манипуляций с целью увеличения количества кулацких хозяйств в регионе.

Ключевые слова: кулак, зажиточный, расслоение, крестьянское хозяйство, статистическая манипуляция, «социальное лицо» крестьянского хозяйства, натуральные показатели расслоения.

Составной и главной частью политики коллективизации было раскулачивание. Ему предшествовал сознательный раскол деревни коммунистами по весьма условному социальному ранжированию. Введение в исследовательский оборот новых источников и переосмысление классовой политики большевиков обращает внимание историков на критерии вычленения «кулаков»¹. Представляется особенно важным рассмотреть этот процесс на примере традиционного аграрного региона. Выясняя, кого записывали в «кулаки» местные функционеры, мы поднимаем вопрос не только о социальной справедливости, мы выходим на проблему подготовки социальной «почвы» коллективизации.

С 1926 г. в связи с усилением работы с беднотой губернские власти решили приблизиться к изучению социальной стратификации деревни. При волостных и сельских советах, партийных ячейках создавались специальные комиссии для учета социальных групп. Составление списков домохозяев и идентификация их с определенной социальной группой поручались отдельным партийцам или работникам сельсоветов. На первом этапе деятельности комиссий губернские органы не обременяли их методическими рекомендациями, поэтому социальная импровизация и субъективизм в определении были очень распространены. Много любопытных заключений содержится в докладной записке члена орловской губернской контрольной комиссии Павловцева «Социально-имущественное расслоение деревни» орловскому губкому ВКП(б) от 9 марта 1927 г. «По вопросу социально-имущественного деления у нас на местах в деревне имеется довольно большая неясность, определяют и делят все кому не лень и самое главное как кому вздумается...». По его мнению, «хозяйственно подросшего» крестьянина, который интенсифицировал свой труд, особенно если «подросли в семье работники, или удался отхожий промысел» нецелесообразно зачислять в группу зажиточных или кулаков, так как «мы ведь убиваем всякий стимул здорового хозяйственного развития»².

Как примеры местных разночтений Павловцев приводил многочисленные трактовки социально-экономических групп в деревне. Орготдел Ливенского укома

¹ Роголина Н.Л. Зажиточное крестьянство деревни Российского центра в середине XX в. // Зажиточное крестьянство в России в исторической ретроспективе. Вологда, 2001. С. 277-285.

² Государственный архив Орловской области (далее ГАОО). Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1892. Л. 66-67.

давал определение кулаков как «лиц, обогащающихся путем эксплуатации в различных формах». К середнякам относил крестьян, «ведущих трудовое хозяйство, имеющих возможность вести это хозяйство своим инвентарем». Кроме того, выделял еще промежуточную фигуру деревенского общества – зажиточный – «очень крепкий середняк, не ведущий трудовое хозяйство»³. В определении Орготдела видны два очень спорных момента. Во-первых, не определены критерии эксплуатации. По всей видимости, подразумевался наемный труд. Вместе с тем контролировать условия использования наемной силы фактически не представлялось возможным, так как не получила широкого распространения практика заключения трудовых договоров. Даже при наличии такового его юридическая обоснованность вызывала большие сомнения: «Пастухом Елецкого уезда, Ламской волости, Кукуевского сельсовета Семенняковым Спиридоном Васильевичем денежная компенсация, по его показанию, заменена была с его согласия получкой: «яиц кто сколько может, а, кроме того, в 2 праздника – Николы и Казанскую – по пирогу со двора»⁴. Найм рабочей силы практиковался на всех уровнях деревни. Нанимали и отдельные крестьяне, и целые общины. Среди нанимателей были не только зажиточные, но и середняцкие и даже бедняцкие хозяйства. По информации Окружкома (осень 1928 г.), наемный труд в крестьянском сельском хозяйстве округа имел довольно значительное применение: 1 из 10 крестьянских хозяйств в том или ином виде прибегало к найму рабочей силы. Самым крупным потребителем наемного труда были общины – 54,9%, единоличные хозяйства использовали 44,2% всего предложения найма, в 2% случаев приходился групповой найм сельхозрабочих⁵. Вторым спорным моментом в определении Оргтдела был прямой канал записи крепкого середняка в кулаки через подвижную категорию «зажиточных», которую можно было подтянуть по политическим соображениям.

В определениях местных функционеров прослеживалась одна особенность: чем пространнее они были, тем больше предвзятости содержали. В основу определения хозяйств Медвежинского Волкома ВКП(б) были положены следующие критерии:

- «1) его дореволюционное положение;
- 2) имущественное положение настоящего периода;
- 3) каким образом, за счет чего растет хозяйство;
- 4) обеспеченность хозяйства живым и мертвым инвентарем и способ использования таковых;
- 5) его тенденции и какое участие принимают в работе его члены семьи»⁶.

Тенденциозность и произвольность подобного определения отмечали даже партработники: «определять так, значит создавать некоторую политическую враждебность к нам со стороны трудового середнячества». Такой подход заставлял крестьян лавировать, проводить фиктивные разделы хозяйства.

Гораздо хуже дело обстояло при попытке определить категорию хозяйства по натуральным признакам. Согласно определению ливенского потребительского общества, к зажиточным относился тот, кто имеет «две хаты, двор, два амбара, две лошади, две коровы, десять овец и кушает по-настоящему». Свое видение проблемы изложил и секретарь местной партиячейки: «Зажиточный... имеет скот, лошадь, корову и другое молочное хозяйство». Еще большей конкретизацией отличалось определение кулацкого хозяйства Медвежинским волостным комитетом ВКП(б) (Орловский округ). «Это то хозяйство, которое имеет земельный надел и, кроме того, еще арендует землю и эксплуатирует чужой труд. Примерно хозяйство имеет 6 человек – 2 трудоспособных мужчин и 1 женщина. Трудовой надел 8 десятин, имеет две лошади, 2 коровы и арендует 6 десятин земли, пользуется сезонными рабочими для обработки

³ Там же.

⁴ Материалы по экономике Орловской деревни 1926-1927 гг. К вопросу о расслоении крестьянского хозяйства. Орел, 1928. С. 98.

⁵ ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 50. Л. 88.

⁶ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 1. Д. 1892. Л. 68.

земли»⁷. Очевидно, для такого детализированного определения в волкоме был социальный прототип – кандидат на раскулачивание. Заблуждением было считать аренду в качестве критерия «кулацкого профиля» хозяйства. Участниками арендных сделок были все слои деревни, поэтому аренда в качестве критерия выделения кулацких хозяйств существенно расширяла рамки потенциальных изгоев села.

В развернутом определении председателя Медвежинского волисполкома Романова выделяются не просто параметры, а обрисовываются жизненные ситуации и модели поведения для анализа кулацких хозяйств. В первую категорию он отнес крестьян, нанимающих двух годовых рабочих, владеющих 1-2 головами рабочего и продуктивного скота. Помимо имущественного достатка, их отличает стремление сотрудничать с властью: «дети их устраиваются где-нибудь на Советской работе, бывает и так, что и сам глава семьи служит... подчас занимается торговлей. Этот тип старого кулака пристраивается к политике власти». Во вторую категорию попали разбогатевшие во время революционного передела крестьяне, имеющие большее количество земли, скота, сельхозмашины, занимающиеся торговлей солью. Кроме того, этот кулак «закабалает крестьянское население, под видом зачастую оказания помощи». К третьей категории были отнесены владельцы небольших наделов, «трудовой нормы», которые живут за счет промышленных «предприятий» (мельница, толчея или крупорушка), нанимают для обработки земли и эксплуатации сельхозмашин рабочих. Помимо этого всегда имеют «вагона два хлеба» на продажу⁸. Анализируя эти определения, особенно первого типа кулацких хозяйств, мы сталкиваемся с проблемой, беспокоившей и власть, и крестьянство, – обогащение советского и партийного аппарата в годы нэпа, что стало естественным следствием развития рыночных отношений. Уже в 1923 г. председатель губкома Разумов поднимал вопрос о «хозяйственном обрастании» рядовых членов партии⁹. Нэп предоставил возможность улучшить свое материальное положение путем подъема личного хозяйства, чем не преминули воспользоваться крестьяне. Тяжелое материальное положение сельских коммунистов также заставляло часть из них значительное время уделять своим хозяйствам. У коммунистов, совмещавших работу в своем хозяйстве с административной должностью, встречались солидные и крепкие хозяйства, причем иногда это связывалось с использованием служебного положения. Многие сознательно добивались должностей, дававших им возможность обеспечить себя материально. Помимо этого, во время денационализации промышленности коммунисты могли получить в аренду мельницу или другую машину. В конце нэпа партийцы, владельцы крепких хозяйств, вынуждены были по двойным стандартам проводить классовую политику на селе, что задевало беспартийное население.

В дальнейшем партработники все больше подчеркивали такое положение дел. Во время выступления на второй Окружной конференции ВКП(б) в феврале 1929 г. в г. Орле выступивший Никитин выделял «старый» и «новый» тип кулака. Оставшийся от прежней эпохи, отживающий «старый кулак» привык к грубым формам эксплуатации, презирует Советскую власть и открыто ее ругает. Политически дальновидным является другой типаж, он «может хвалить советскую власть, но в то же время старается забиться в поры кооперации, коллективных хозяйств... он забирается в поры социалистических элементов деревни и разрушает их»¹⁰. В данном определении на первое место выступает потенциальная враждебность, очевидно неприятие нэповской практики сращивания партийных и советских работников с зажиточным крестьянством. В конце 1920-х гг. воспрянули духом те, кто с ностальгией вспоминал «военный коммунизм», а нэпе видел отход от революционных

⁷ Там же. Л. 70, 76.

⁸ Там же. Л. 78.

⁹ ГАОО. Ф. П-1. Оп. 3. Д. 85. Л. 4.

¹⁰ Там же. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 176. Л. 21.

принципов и забвение коммунистических идеалов. Для них наступление на «кулака» было тождественно чистке советского и партийного аппарата от наиболее адаптивных и предприимчивых членов.

На основе приведенных примеров определения понятия «кулак» мы видим, что низовые партработники не проводили четкого разграничения на «классовое», «экономическое» и «имущественное» расслоение. «Социальное лицо» крестьянского хозяйства определяли главным образом по внешним признакам. В документах 20-х гг. в качестве методов дифференциации выступало деление хозяйства «по посевам», «по лошадям» и т.д. Применялись различные, часто произвольно комбинируемые, сочетания имущественных признаков, иногда учитывалась и обеспеченность рабочими руками. Попытка вычленить количественные показатели давала возможность в относительно бедной черноземной деревне отнести к кулацкому и середняцкий двор. А критерии аренды земли и найма рабочей силы были несостоятельны из-за вовлеченности в эти процессы всех слоев деревни, в том числе и бедняков. Иногда деревенские работники, чей кругозор был ограничен местом их пребывания, а окрестная деревня была проекцией всего крестьянского мира, определяли социальный тип хозяйства по обывательскому или бытовому принципу. В дополнение к внешним признакам в некоторых случаях учитывались и признаки эксплуатации, однако проследить их в сложной ткани деревенских отношений взаимозависимости, не фиксируемых юридически, было непростым делом.

При определении классовой принадлежности местные работники обращались и к социальному происхождению, и к дореволюционному прошлому крестьянина. По их мнению, социальное происхождение определяло политическую позицию. Это положение имело и обратный вектор действия. Отношение крестьян к власти определяло их социальное положение в глазах местных партийцев.

Политическая ангажированность понятия «кулак», размытость социально-экономических критериев рождали своеобразные крестьянские проекции и в крестьянской среде, которые могли быть нацелены на кого угодно. На первой окружной конференции групп бедноты 15 декабря 1928 г. крестьянка из Кромского района Панферова говорила: «Говорят о кулаке, что кулак и подкулачник – это одно и то же, по-моему – тоже что клоп, что клопенек, одно и то же – кусает одинаково»¹¹. Позиция беднячки показывает, как идея «кулака» разрушала социальный мир в деревне. Беднота, подстрекаемая властью, которая тратила много сил и средств на ее локализацию и организацию, включилась в жестокую социальную игру по поиску богатых изгоев деревни. На этом сказывался и весь груз прежних противоречий и непростых отношений во внутридеревенской среде, где традиционно были сильны эгалитаристские установки, и бедные завидовали более успешным соседям.

На примере аграрного региона мы видим, как «тяжело» местным работникам было выявить «кулака». Как отличить зажиточного от кулака, каковы признаки кулацких хозяйств, принимать ли во внимание социальную психологию крестьянства – это минимальный перечень вопросов, стоявших перед ними в процессе создания данной концепции. Г.Ф. Доброноженко считает: «Местные работники определяли кулака по социально-экономическим и социально-политическим признакам, однако, определяющими до конца 20-х гг. они считали признаки социально-экономические». Нельзя не согласиться с выводом Доброноженко: «В социальных представлениях сельских и волостных работников, работавших в деревне и не порвавших связь с земледельческим трудом, очень сложно и противоречиво переплетались традиционные крестьянские взгляды на причины социального неравенства и новые политические идеи и реалии, своеобразно понимаемые людьми малограмотными, а иногда и элементарно неграмотными.

Противоречия между старыми традиционными и новыми представлениями и оценками, непонимание спускаемых сверху директив о признаках классовой принад-

¹¹ ГАОО. Ф. П-48. Оп. 1. Д. 161. Л. 14.

лежности определили отсутствие у местных работников четких и ясных критериев «распределения крестьян по классам». «Классы» в своей деревне местные руководители определяли главным образом по «интуиции», исходя из субъективных личных оценок»¹².

Принимая во внимание деление Доброноженко, мы можем проследить и динамику действий местных властей в отношении кулака. Если в 20-е гг. превалировали социально-экономические признаки определения, то в процессе нагнетания политической атмосферы в деревне на первый план выступили социально-политические критерии. Стал популярным тезис о возросшем сопротивлении кулака. В ЦЧО была направлена телеграмма Молотова с призывом обрушиться на кулака. Угрозу срыва хлебозаготовок, подмену продовольственных культур кормовыми он классифицировал как «кулацкий маневр», требовал «принять немедленно все меры к пресечению этого кулацкого плана хлебозаготовок». В телеграмме также указывалось на необходимость проведения в срочном порядке нескольких показательных процессов «со строгим наказанием особо злостных кулаков и спекулянтов»¹³.

Проблема расслоения крестьянских хозяйств в конце 20-х гг. была предметом оживленной полемики и среди статистиков. На страницах журнала «Хозяйство ЦЧО» развернулась дискуссия о методах исчисления социальных групп в крестьянстве. Проблема заключалась в том, как в бедном, оскудевающем районе насчитать необходимую для Москвы цифру кулацких хозяйств. В статье И. Варгафтика «О расслоении» описывалось обследование 42 динамических гнезд Воронежского округа¹⁴. К крестьянским хозяйствам применялась комбинационная группировка хозяйства по 23 классификационным признакам (продавцы рабочей силы, сельскохозяйственное производство, промысловые хозяйства, несельские хозяйства и т.д.) и 7 – по стоимости средств производства. Полученная цифра «кулацких» хозяйств в 2,5% показалась низкой, поэтому детализировали группу «зажиточных», выделив в ней еще 15% кулаков по «натуральным» принципам. При этом проверка зажиточных проводилась только по 10 из 42 гнездам. Поправку (1,77%) прибавили к механически выявленным 2,5% и получили 4,27% «предпринимательского, т.е. кулацкого типа хозяйств»¹⁵. Таким образом, процент кулаков натягивался искусственно, путем если не подтасовки, то по крайней мере выгодной, но весьма сомнительной статистической комбинации, с помощью манипуляции различными критериями (стоимость средств производства, найм, посевная площадь и т.д.). При этом анализа репрезентативности данных динамических гнезд для округа в целом не производилось. Оппонентом Варгафтика выступил С. Алексеев¹⁶. По его мнению, используемые ранее т.н. «натуральные» показатели – степень обеспеченности хозяйства тягловой силой и посевной площадью – довольно ясно намечали экономические особенности группового состава деревни. По этим признакам в Центральном Черноземье, по сравнению с другими районами Советского Союза, сильнее выражены средние слои и более «срезаны крайние фланги». Многопосевные хозяйства в РСФСР составляли 3,2%, в ЦЧО – 1,5%. Отставала от средних показателей и обеспеченность в области лошадьми, отражая «среднеазиатско-бедняцкий характер деревни». В ЦЧО обеспеченных тягловой силой зажиточных хозяйств было в 8 раз меньше, чем в РСФСР. «Социальная расслоенность деревни ЦЧО вырастает на более низком экономическом фундаменте»¹⁷.

Алексеев критиковал Варгафтика за стремление подкорректировать прямые статистические данные с 2,5% до 4,27%. Вторичное выделение мелко-капиталистических хозяйств в два с половиной раза превышало число хозяйств, отнесенных к

¹² Доброноженко Г.Ф. Кулак как объект социальной политики в 20-е – первой половине 30-х гг. XX в. СПб., 2008. С. 273, 279.

¹³ ГАОО. Ф. П.-48. оп. 1. Д. 197. Л. 6-7.

¹⁴ Варгафтик И. О расслоении // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1929. № 1. С. 22-32.

¹⁵ Там же. С. 27-30.

¹⁶ Алексеев С. Об изучении процессов расслоения крестьянского хозяйства // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1929. № 3. С. 112-125.

¹⁷ Там же. С. 113, 114.

кулацкой верхушке по прямым подсчетам. К тому же для обследования в бывшей Воронежской губернии выбирались наиболее экономически развитые места. И. Варгафтик ответил статьей «Против смазывания вопросов расслоения в ЦЧО», переводя дискуссию в политическую плоскость. Обвиняя Алексеева в теории «нивелировки», преуменьшающей процессы расслоения крестьянских хозяйств, он выразил идею, с которой можно было найти богатых даже среди бедных: «Нет и не может быть особых законов дифференциации для отдельного района. Расслоение как экономический процесс не ослабляется от того, что данный район экономически отстал. Наоборот, чем более отсталым является район, тем процессы дифференциации выражаются сильнее, хотя это часто и происходит в форме скрытой для внешнего уловления и фактической регистрации»¹⁸. Такую позицию можно назвать теоретическим обоснованием раскулачивания.

Таким образом, мы видим предвзятость и субъективность в определении «социального лица» кулацких хозяйств со стороны местных властей. Изменение отношения местных партийцев происходило под воздействием политической конъюнктуры. Если в середине 20-х гг. определяющими были социально-экономические критерии, то в конце 20-х – социально-политические. Проблема выделения «кулаков» была составной частью политики социального раскола деревни и фаворизации бедноты, проводимой властью в конце 1920-х гг. Она готовила почву для раскулачивания и коллективизации. Поиск «кулаков», всколыхнувший все слои деревни, накладывался на бытовые и социальные противоречия в деревенской среде. Он касался и противоречий во внутрипартийной среде, вызванных улучшением материального благополучия части деревенских коммунистов в период нэпа, воскресил к жизни реваншистские настроения сторонников «военного коммунизма». Критерии «кулака» для местной власти обернулись не только двойными стандартами в проведении их политики на селе, но и проверкой партийных рядов на прочность. Статисты в регионе использовали различные манипуляции для достижения необходимых «контрольных цифр» кулаков в бедной черноземной деревне. Очевидно, это являлось необходимым условием наступления на деревню для внедрения социалистических механизмов выкачивания ресурсов под знаком коллективизации.

CRITERIA OF INFERRING THE CONCEPT "KULAK" BY LOCAL AUTHORITIES AT THE END OF 1920S (ON THE MATERIALS OF THE CENTRAL BLACK SOIL REGION)

I. V. GONCHAROVA

Orel State University

e-mail: snotra@orel.ru

The article deals with the peculiarities of the social ranging of Black Soil Region countryside at the end of 1920s, the different variants of criteria of selection of the term "kulak" by the local authorities. The author reveals subjectivism and relativity of widespread definitions, gives examples of arbitrary definitions of local functionaries. She analyses the fallaciousness of the use of indexes of lease and wage labour as production criteria of stratification, destroys the political reasons to reveal well-to-do peasantry. The article describes the evolution of the definition of the kulak households from socio-economic to the socio-political criteria under influence of the political considerations. The methods of statistical manipulations with the purpose of increasing the number of kulak households in the region are revealed.

Key words: kulak, well-to-do, stratification, peasant household, statistical manipulation, "social face" of peasant household, natural indexes of stratification.

¹⁸ Варгафтик И. Против смазывания вопросов классового расслоения в ЦЧО // Хозяйство ЦЧО. Воронеж, 1929. № 4. С. 149.